

АЛЕКСЕЙ К. СМИРНОВ

Пешком и проездом

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ХРОНИКИ

Алексей Смирнов

**Пешком и проездом.
Петербургские хроники**

«Издательские решения»

Смирнов А. К.

Пешком и проездом. Петербургские хроники / А. К. Смирнов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740445-1

В сборник вошли эссе о современном будничном Петербурге — живом городе, как он есть; юмористические и печальные миниатюры; зарисовки, сделанные в петербургских автобусах, троллейбусах и метро, а также мистические рассказы.

ISBN 978-5-44-740445-1

© Смирнов А. К.
© Издательские решения

Содержание

I		6
	Небольшое предисловие	6
	Викторина	7
	Белые ночи	8
	Настроение	9
	Об одной репетиции	10
	Асфальтовая болезнь	11
	Скобарь	12
	Блок	13
	Дома с привидениями	14
	Птичий базар	15
	Зеленый Шум в Ботаническом саду	16
	Северяне	17
	Десант	18
	Несоразмерность торжества	19
	Про Брежнева	20
	Архетипы коммунального благоустройства	21
	Пена дней	22
	Salut!	23
	Пролетарский Мемуар	24
	«Рим»	25
	Полчаса в Эрмитаже	26
	Морда	27
	Айболит-79	28
	Домик в Коломне	29
	Путевой Мемуар	30
	Ребята с нашего двора	32
	Почти Голубой Мемуар	33
	Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пешком и проездом Петербургские хроники

Алексей Константинович Смирнов

Фотограф Евгений Горный

© Алексей Константинович Смирнов, 2017

© Евгений Горный, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4474-0445-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Броуновское движение

Небольшое предисловие

Это книга о Петербурге, потому что все, о чем в ней рассказано, было замечено и пережито на его улицах, в его магазинах, музеях, кафе и дворах, в историческом центре и новостройках. Это личные впечатления и суждения автора, которые целиком и полностью остаются на его совести. Автор может поручиться только в одном: в их абсолютной достоверности. Хотя его точка зрения безусловно ограничена стенками отдельного черепа.

Это не справочник и не путеводитель. Даже не панегирик. Здесь не описываются достопримечательности и памятные места, не ведется рассказ об истории города и его выдающихся гражданах. Город, описанный в ней, непричесан и будничен. Зато он живой и постоянно в движении. В нем действуют случайные прохожие и городские сумасшедшие, продавцы и кондукторы, собаки и кошки. Эрмитаж знают все, но ни в одном путеводителе не описана почта, трамвай или кладбище.

Это здесь и сейчас. И еще вчера. И немного позавчера. Звонит будильник, мы встаем и выходим на улицу. Настроение у нас – как повезет. Счастливого пути!

Викторина

Развлекались.

Сочиняли каверзные вопросы о Петербурге. Для французских приезжих, средних учащихся. Из вводной следовало, что они ни черта не знают.

Что топчет Медный Всадник?

- Змею
- Черта

Дальше я назвал «merde», и жена сказала, что, не будь там совсем высоких гостей, она бы так и пометила, но нельзя.

В честь какого великого француза названа набережная?

- Робеспьера
- д'Артаньяна
- Гильотена

(На этот вопрос французы почему-то дружно отвечали: Гильотена!)

Чем в Петербурге отмечают полдень?

- Пушечным выстрелом
- Выстрелом из пистолета
- Народным гулянием

Какими ночами знаменит Петербург?

- Белыми
- Голубыми
- Розовыми

Между прочим, получился триколор. И у них такой же. Народы не без братства.

Белые ночи

Меня спросили про белые ночи. Как мы тут к ним относимся.

За нас не скажу, не имею понятия, могу исключительно про себя.

Ночи эти, конечно, не вовсе белые. Они больше сумеречные-белесые, неопределенно-пограничные. Как и сам город – ни богу свечка, ни черту кочерга. Они так тихо подкрадываются, что я не замечаю. Однажды выглядываю и вижу – ага, светло. Ну и ладно! Отношение спокойное.

Для возбуждения нужен катализатор в виде какого-нибудь гостя. Вот приезжала ко мне, помню, столичная подруга, так она все дивилась на полуночном вокзале: надо же, белый день. Ну, и я за компанию проникался: действительно. А так подолгу не замечаю, как и музеи, мимо которых езжу.

В белые ночи народ вылезает глазеть на разводящиеся мосты.

Я больше привык на них жаловаться. Метро не работает, мост развели – беда. Однажды я просидел часа два в машине, аккуратно затормозившей перед мостом Александра Невского. Тут его и развели. Я любовался на эту громаду в сильнейшем раздражении. Давно было дело, по юности; еле сбежал из каких-то случайных гостей и был рад, что дешево отделался.

На Неве, конечно, нынче бывает весело. Ходят, галдят, мусорят. Любуются водным лазерным шоу. Ну, а где-нибудь на Фонтанке или Крюковом канале ничего, полагаю, не изменилось со времен Федора-Михалыча. Хочется наполниться легкой грустью и выстрелить себе в цилиндр или выпороть кого-нибудь на Сенной.

Настроение

Гуляем мы с маменькой по Невскому, к нотариусу. И прямо рядом заприметили музыкальный магазин «Настроение». А мне туда надо.

Решили завернуть после, когда все закончим.

И потеряли.

Ну нет его, магазина «Настроение»!

Маменька, весьма вежливо опираясь на трость, обратилась к своей ровеснице – женщине лет 70-ти.

– Вы модная женщина! – расцвела та. – Вы модная, чудная женщина! Нет, – немного погрустнела она при виде лица маменьки. – Я живу здесь сорок лет. Здесь никогда не было никакого Настроения. Я скажу вам больше, как своей, – она подалась вперед. – Там, на другой стороне, прямо напротив, тоже не бывает Настроения.

Об одной репетиции

Владимирская площадь к ночи преобразается и являет миру свою армагедонью суть. Образуется картина, достойная прохановского пера.

Если встать лицом к Невскому проспекту, то по правую руку высится Собор, наполненный благостным желтым светом, как будто внутри разливается животворный желток. Мирной округлостью куполов он подобен кроткому тельцу или овну.

Зато напротив дыбится отреставрированный Владимирский Пассаж, рогатый inferнальными башнями. Он черен, оттененный ядовитой подсветкой пурпурных и синих тонов. Изнутри дьявольское строение освещено мертвым машинным светом.

Так и стоят они друг против друга, замершие в метафизическом противостоянии. А между ними – Армагеддон, усиленный притихшими лакированными тачками.

Я даже постоял немного в центре, стараясь оставаться точнехонько между противоборствующими колоссами. И ни один меня влек, а значит, мне предстояло, не горячему и не холодному, но теплomu, быть изблеванным из высоких уст. Надо было что-то решать.

Наконец, я сделал маленький приставной шаг в направлении Собора. Вероятно, я не вполне пропащий человек. Да и что мне делать в Пассаже в этом, с двадцатью-то рублями.

Асфальтовая болезнь

У каждого города есть лицо. И даже есть у микрорайона (не в губернаторши ли мне с такой риторикой?). А у лица есть отдельные черты, его отражающие: в частности, направленность интересов. Наш город болеет асфальтовой болезнью.

Это в больнице у нас так бывало: притащится больной, отпущенный на выходные жену повидать, да в церковь сходить, а морда разбита вся характерным образом, по касательной. «Так не задевают косяки! – ему объясняют. – Это асфальтовая болезнь!»

Асфальтовая болезнь завелась даже у одного местного дома-магазина. Уже после того, как наш город крепко приложился исходным лицом, этот магазин держал свою марку, и выдерживал долго: в нем продавали бутылки, усыпанные опилками. Этот дом, конечно, не лицо, а его часть – нос, скажем, на котором проступает горбинка, или трещина на губе, а то и бородавка. Или что-то заклеено пластырем.

Но вот в начале 90-х дом сорвал с себя черный от грязи и копоты пластырь, назвавшись продуктовым Монплезиром. Это совпало с накоплением награбленного, и в Монплезире имелось все, за что мы его полюбили пуще прежнего и думали, что так будет вечно. Но вечность не задалась. Дом снова приложили лицевым черепом, применив прием русского кулачного боя, и он обернулся казино по имени Русь. Национальный идеал рождался в потугах и муках, а Монплезир отступал по смоленской дороге.

Перед Русью красовался гипотетически призовой автомобиль. С чем бы его сравнить анатомически? В далекую пасхальную ночь, в сусанинской церкви, я видел дедка с наростом, рогом на лбу, он все норовил причаститься, но батюшка, хорошо знавший свою паству, не допускал, однако этот, с рогом, все-таки прорвался. когда батюшка зевнул, и, причастившись тайн, подмигнул мне. Дескать, вел себя не по-христиански – а вот, извольте: очистился. Только рог каким-то чудом не отвалился. Он много раз занимал очередь, вертя своим наростом. Так и я много раз, проходя мимо Руси, хрустел раскрошенным стеклом, потому что враги постоянно взрывают Русь и желают ей зла.

Наконец, к асфальту приложили мордой и Русь, так что она обернулась Морфеем: заснула богатырским сном. Автомобильный нарост исчез. Морфей назвался компьютерным клубом, но куда ему против градоначальников! Там заседали в чайниках сплошные заколдованные сони. Мордой об асфальт!

Сейчас не понять, что с этой частью лица. Опять заклеено пластырем.

Скобарь

Иногда кажется, что ты совсем ничего не знаешь о своем городе. Кто там кого построил – Трезини ли Растрелли или наоборот, и что с ними делал Монферран – какое мне дело? Мне рассказывали об этом сотни раз, и я все с неизменным удовольствием забывал.

Но когда приезжают друзья и начинаешь их водить по улицам, кое-что припоминается.

Правда, Монферран тут не при чем. Кое-какие другие достопримечательности приходят на ум.

Например, один домишко на Нарвском проспекте, четырнадцатый номер. Трезини его, конечно, не стал бы строить, и даже за нужник бы не признал при любой, пусть самой неотложной, нужде. Для нужника ему бы понадобился хоть какой-нибудь плохонький барельеф, а здесь и этого нет.

Но дом был славен. Не знаю, как сейчас, но в 90-е годы – был. Потому что в этом доме, в одной из квартир, жил волшебник. Он был, как вы догадываетесь, экстрасенс. И к нему не зарастала тропа, потому что он привораживал, завораживал, отмораживал, возвращал, находил, выкатывал на яйцо и так далее.

Особенно лихо у него получалось с непорядочными мужьями.

Вот придет от такого непорядочного мужа порядочная жена и попросит: верните! приворожите! Гуляет, дескать, сволочь, и не ночует дома.

А волшебник на это:

– Я могу поставить ему скобу. Астральную. И пришпандорить к вам. Но нужно ли вам это? Да, он будет сидеть дома, но весьма безучастно. Как предмет, как телевизор в углу. Неодушевленный феномен.

Многие, однако, соглашались на скобу, потому как и не ждали одушевленности от супругов: на хрена она, когда анатомический аппарат в исправности?

Помню, были у меня какие-то проблемы, и я надумал на этого колдуна посмотреть. И даже зашел в этот дом, поднялся по лестнице.

Ощущение возникло очень, очень нехорошее. Темно, не особенно чисто, лампочки вывернуты еще в позапрошлом веке. Заплевано все. И люди – вернее, тени. Дверь в квартиру колдуна не заперта, и в гробовой тишине туда заходят и оттуда выходят сумрачные, молчаливые гости. В них сразу узнавались завсегдашние. Кто-то просто стоял на лестничной площадке по стойке смирно.

Ни звука, ни шороха.

Я не пошел внутрь.

Блок

Ходить по проспекту Стачек глубокой ночью приходится не так уж часто.

Он большой, но совершенно безлюдный. Мрачная магистраль. В том, чтобы вообще найти на улице тело, нет ничего необычного. Но странно находить его одиноким, когда вокруг замерла всякая жизнь. Причем не в первый раз. И не одно и то же. Некое везение или знак со смыслом, пока непонятным.

Идем сегодня ночью, вокруг ни души. Мигают мертвые елочки. Расстрельная стенка Кировского завода украшена экономно. Доля радости в мире обозначена предельно наглядно. Впереди чернеет железнодорожный переезд: мост. Под мостом, прямо посреди тротуара, что-то белеет. Это лысина.

Половинная луна, балтийский ветер. Тело лежит навзничь, вольно раскинувшись. Череп блестит отраженным светом. Слегка, луна дотягивается самую малость. Стоим в растерянности. Атмосфера времени и места понуждает думать о сердечном трупце. Тело немолодое. Но нет, оно живо и невнятно.

Ночь, улица, фонарь, аптека. Все есть. Плюс пятый элемент.

Дома с привидениями

Такие просто обязаны быть.

Другое дело, что за привидения иногда могут ошибочно принимать еще не до конца привидения, еще немного живых, но одно другому не мешает. В том, что они при этом сосуществуют, у меня лично нет никаких сомнений.

Один такой дом в соседнем дворе идеально подходит на роль.

Он непонятно вообще, почему дом.

Он больше похож на отдельную секцию отопительной батареи. В нем два этажа, он выкрашен в цвет обычных перил, и он очень узкий. И стоит обособленно. Гладкая, зализанная плесенью стена с двумя крохотными окошками одно над другим; в верхнем – горшочек с ботаническим растением.

Кажется, что достаточно поднажать плечом, и дом завалится. Он сильно смахивает на лист картона, воткнутый в песок.

Но там кто-то живет. Судя по горшочку, есть и люди. Однако привидениям в нем просто должно понравиться. Это даже не дом Достоевского; я не думаю, что занятого писателя вообще когда-нибудь заносило к нам, за Нарвскую заставу. Здесь должна быть Администрация по Работе с Гражданами, где обеденный перерыв – с 4.00 утра и до 23.00 вечера.

Конечно, я наговариваю на дом.

Когда-то мне рассказывали про настоящий дом с привидениями. Там была коммуналка, и вот она вся постепенно разъехалась, потому что стало невмоготу. А что невмоготу – про то молчок.

Мы с приятелем расхохотались.

Это было где-то на Петроградской стороне.

Мы сказали, что купим бутылку водки и проведем в этом доме, в этой самой опустевшей квартире ночь. И поглядим, кто поведет себя ужаснее – привидение или мы.

Короче говоря, мы сразу сделались уже готовыми джедаями. В каждом из нас нетерпеливо перетаптывался Воин, готовый перейти на Бег и Крик Силы.

Но что-то не сложилось.

Жена не пустила, что ли. Так и не пошли.

Птичий базар

Довольно приятно и даже прельстиво, как пишут китайские студенты, побыть полчаса на углу Думской улицы и Невского проспекта.

Там настоящий Птичий базар, потому что – Экскурсии.

И еще музей Восковых Фигур на втором этаже Гостинки, о котором я однажды уже написал под впечатлением от Перинной линии.

Мне эта точка всегда нравилась.

Восковая Екатерина томится под зонтиком «Кока-Колы», ей жарко. Она боится поплыть. Она хочет фотографироваться, но к ней никто не присаживается. Неподалеку на постаменте стоит ушастый урод из «Звездных войн», одетый как совершеннейший бомж. Не знаю, кто это, не в теме я, но точно не джедай.

Да! Сик транзит gloria mundi! Теперь он Екатерине и канцлер, и любовник, и Ангел-Хранитель.

– ...Петергоф с Большим Дворцом приглашает!

Рядом гуляет кто-то, уже только наполовину восковой, и безуспешно пытается повторить приглашение Петергофа по-английски.

Надрыв понятен: обзорная экскурсия по городу с заездом в Петропавловку стоит столько же, сколько билет до Москвы. Плацкартный. Но все честно. В Москву едешь ночью, темно, не разобрать ни черта в окошке, а тут тебе только записывай и примечай.

Явился приезжий монах, очень старый, седой, с косичкой. Ему немедленно вручили листовку-приглашение в Восковой Музей, с изображением всех этих бесов. Взял, держит. Я этот музей знаю. Там Шрек и прочие Угодники, все для странствующих монахов.

Начинает припекать, пора в подземелье. Вдогонку:

– По городу щас не хотите уезжать?

Зеленый Шум в Ботаническом саду

Хорошо вокруг! Все зеленое, цветы, пахнет естественными ароматизаторами. Но расслабляться опасно, надо держать ухо остро.

Дело было в 1983 году, я учился на 2-м курсе. Пошли мы с приятелем на дискотеку, познакомились там с девушкой. Ей тоже хотелось медицины, только она была курсом старше. Ну, и замечательно!

Договорились на выходных съездить в Павловск, что ли. Или в Пушкин.

И съездили.

Эта девушка оказалась со странностями. Она очень любила растительную жизнь. Нет, я понимаю – это всегда замечательно, когда девушка радуется весне, плетет веночек, нюхает сирень, восторгается зябликом-птичкой. Для такой девушки хочется распушить алые паруса, поставить Бони М, налить шампанского, спеть под окном. Но эта была с полным ботаническим приветом. Она не пропустила НИ ОДНОГО деревца, НИ ОДНОГО кустика. Она срывалась с места и мчалась, как угорелая, к новорожденному подорожнику. Она зависала над клевером, трепетала при виде какой-то плесени, томилась над шишкой и радостно смеялась возле каждой березы. Нашей с приятелем романтики хватило минут на сорок, потом мы поняли, что влипли. Ее восторги далеко превосходили традиционные походно-полевые прыжки юной, невинной натуры. В общем, мы скисли. Так продолжалось часа четыре. Наконец, мы расстались, твердо решив про себя, что больше не встретимся. Но я ошибся.

1 июня, когда я пересекал пустынный медицинский двор, меня окликнули. Это была она, вся такая радостная.

– Поздравляю! – крикнула она.

– С чем это? – подозрительно осведомился я.

– С первым днем лета!

И предложила погулять. Я решил дать ей последний шанс, вяло согласился и тут же спросил, куда мы пойдём.

– В Ботанический Сад! – сказала она.

И вот в саду-то я и получил по полной программе, но только не то, про что можно подумать.

Северяне

В сотне-другой метров от моего дома, во дворах, расположилось нездоровое желтое здание: Факультет Народов Крайнего Севера. При педагогическом университете имени Герцена.

Стоит там, сколько себя помню.

И внутренняя динамика этого строения замечательно отражает мировые демографические тенденции.

Я все удивлялся: для кого этот факультет? Если для тех, кто ничего не знает о Крайнем Севере, но ужасно хочет узнать, то почему там бродят сплошные якуты и чукчи?

А если это факультет для самих народов Крайнего Севера, то чему их там такому учат, всему сразу? Не быту же Крайнего Севера, который они, возможно, и подзабыли?

В общем, здание исправно приходило в упадок.

Больше всего досталось шайбе-пристройке. Двухэтажная шайба осыпалась, испакостилась, обезлюдела, и в ней много лет жил бомжом милейший поэт и прозаик Алексей Давиденков.

На нем наступательное влияние средних широт и закончилось.

Начался вдруг ремонт, на неизвестные деньги затеянный, и поэта выселили. Он был обречен в своем геополитическом противостоянии.

И я увидел, что напрасно называю север крайним.

Все стало, как и должно быть и скоро будет на Бескрайнем Севере: открылось кафе «Любимый хабиб».

Десант

Осень. Безрадостное пасмурное утро, оглашаемое печальными музыкальными всхлипами.

Возле Дома Культуры похаживают и поплясывают большеголовые ряженые – Телепузики, какие-то еще монстры, разрываемые мозговой водянкой. Аудитория не ахти какая, детишек почти и нет, затейники пляшут в одиночестве: приседают, раскидывают руки в изумленном гостеприимстве, пошатываются, подсакивают слегка. Имеют в общем и целом вид инопланетян, высадившихся не там, где надо.

Не исключено, что так оно и есть.

Понаблюдали с орбиты, сделали выводы, нарядились для облегчения контакта. Он и удался: уже какая-то лошадка к ним присобачилась, бегаёт по кругу с тележкой, возит желающих.

Но хотелось большего, конечно. И с музыкой промахнулись: надо не «Ласковый май», а какой-нибудь «Оборзевший октябрь».

Профессиональных контактеров пока не видно, и головастики продолжают выкладываться впустую.

Внутри они, скорее всего, сущие чудовища и побоялись напугать коренное население. Я уверен, что если сдернуть плюшевые головы – так оно и окажется, даже если они не пришельцы.

Несоразмерность торжества

В Татьянин День внезапно выяснилось, что он еще и День Моржа.

Прямо на Невском проспекте – увы, на тротуаре – какие-то молодчики в желтом установили большую ванну, в которой соблазнили принародно выкупаться какую-то юную пару, прямо в одежде.

Место стояния ванны было огорожено флажками и оцеплено секьюрити без знаков отличий, но с такими рожами, что я даже не понял, почему какой-то бомж не позволяет мне идти за ограждение и смотреть.

В мире столько существ, что грех разбрасываться неделями и днями, а то и месяцами. Надо экономить. Почему обязательно – День? Из возможных альтернатив могу назвать Час Быка и что-то бесформенное между Собакой и Волком. Надо расписать остальные часы и минуты.

Час Крота. Полчаса Николая Ивановича. Час Гуся. Минута Ерша. Семнадцать мгновений Ежа. Никто не должен уйти незамеченным с бала у сатаны.

Про Брежнева

Недавно, в День защиты детей, мне почему-то вспомнилось про то, как умер Брежнев. Умер он так: я учился на втором курсе, и в день, когда его должны были препроводить в положенную нишу, у меня была физкультура. Физкультура в медицинском институте – дисциплина совершенно невыносимая, и бывалые мужики, отслужившие в армии, уверяли остальных, будто даже там с ними ничего похожего не делали. Такое, кстати, я часто слышал от них по самым разным поводам. В общем, мы явились к физкультурнику и возмущенно заявили, что не видим возможности заниматься в столь траурный государственный день несерьезными прыжками и провокационными подскоками. Физкультурник, мрачно жуя некую снедь, посмотрел на нас исподлобья и махнул рукой, посылая предаться скорби навсегда и с размахом. И мы пошли печалиться в пивной бар без имени и рангов наценки, но мы-то знали, как он назывался, он был «Кирпич», «14-я аудитория», так как всего аудиторий в институте было 13.

В Кирпиче было пасмурно и торжественно. Халдеи переговаривались шепотом, народу было очень мало. Люди сидели почти приличные и суровые, они тихо беседовали над непочатыми кружками. Работал безутешный телевизор. Мы выпили наше пиво и вышли на улицу. В эту самую минуту маршалский гроб поволокли к чертям, вниз, и Главный Черт, по всей вероятности, до того расчувствовался, что сделал Королевский Подарок и остановил-таки прекрасное мгновение, чего в свое время так яростно добивался Фауст. Все застыло. Мы с приятелем тоже остановились, и весь тогда еще Кировский проспект застыл, и люди, набрякшие в окнах, точно виноградные лозаньки, тоже застыли, и флаги поникли, и птицы расселись по крышам, и времени не стало. Но один человек продолжал идти. Мы не успели рассмотреть его лица. Сейчас я об этом очень жалею. Он шел очень быстро, пригнувши голову, одетый в дешевую куртку с капюшоном. Руки держал в карманах. А весь неподвижный пейзаж был на разные автомобильные голоса. Какая-то бабулька прошипела: – Остановись! Вождь ведь!

Но он шел, и прошел, и свернул за угол, и ушел. Вообще, смерть любого вождя окутана тайной. Например, на стене нашего терапевтического корпуса, если присмотреться, можно было прочесть надпись, сделанную углем в полуметре от земли: «Здесь умер Ленин». Не знаю, кто и почему это написал.

Архетипы коммунального благоустройства

Дворик у нас непрезентабельный; ничего-то в нем нет – ни качелей, ни горок, ни лавочек. К тому же там постоянно пилят деревья, которые еще не успели упасть сами и не выбили стекла в окрестных домах. После лесораспилочных работ остаются Колоды. Они никогда не пустуют, на них постоянно сидит и общается кто-то, кого я в другое время нигде не вижу. Спустя какое-то время Колоды куда-то исчезают, но скоро появляются свежие. Это я к тому, что выглянул сейчас и увидел новые лица. Они уже чистят рыбку. Дольше всех продержалась позапрошлогодняя Колода. Ее даже культурно поставили на попа, а вокруг расставили чурбачки поменьше, будто бы стулья, но их быстренько разметали за ненадобностью и греховностью земной роскоши. Прошлой осенью я выглянул и увидел вокруг этой Колоды троих. Они разговаривали. Одного я узнал, это был очень известный в округе человек, я часто его видел возле аптеки, причем в самые ранние часы, но ему уже и тогда бывало вполне нормально. Меня всегда, когда я его видел, поражало, что он еще жив. Спустя полчаса я обнаружил, что беседа закончилась, потому что тот самый человек, главный рассказчик, лег на колоду и лежал. Друзья ушли, а он остался один, одетый не по сезону: в легкую футболку, домашние штаны и домашние тапочки. Он не совсем лежал, он, скорее, застыл в позе олимпийского бегуна, подавшись вперед. Одна нога была отставлена кзади, и тапочек отклячен. Щекой он лежал на колоде, а руки свесились по ее бокам до самой земли. Он пролежал так два часа, был ноябрь, накрапывал дождик. Я вышел посмотреть, живой ли он. Он громко храпел, пуская пенные слюни, но в том ли жизнь? Когда я посмотрел в окно в четвертый раз, картина была очень грустная, все пропитанная одиночеством, разбухшая от сырого экзистенциализма. Двор был пуст, и даже Колода куда-то скрылась. В центре двора стоял и урчал маленький медицинский рафик. Он не трогался с места и был похож на последнего в мире жука. Внутри него решали, как быть. Я будто слышал каждое слово, все аргументы и контраргументы перед лицом дремлющего факта. Наконец, там решили, что береженого – то есть, их самих – Бог бережет, попятились и уехали. Увезли.

Пена дней

Кто их теперь вспомнит, эти бары? Не про себя, с мимолетным сожалением, а так, чтобы осталось где-нибудь, с благодарностью? Их было много, и каждый запомнился какой-то одной картинкой, тогда как все прочее время, проведенное за кружкой, сливается в сплошную струю разбавленного пива.

Я их тут перечислю несколько штук, чтобы память не истиралась.

Первый бар, в котором я побывал, назывался «Янтарный». Он находился на Петроградской стороне, и нас с приятелем отправили туда в качестве бдительных дружинников, приказавши взять пару кружечек и сидеть тихо, следить за порядком. И мы сидели, а вокруг бушевала сплошная гармония. Мы честно цедили прописанную пару кружек и поняли свою ошибку только когда наш старший, едва державшийся на ногах, подошел к нам и осведомился, не торчит ли у него рация.

Тогда мы поняли, что в баре нужно заниматься тем, чем положено заниматься в баре.

Еще одним баром на Петроградской был «Кирпич», он же – 14-я аудитория, благо в нашем институте их было 13. Что про него расскажешь? Это добрый роман. Из шести лет, что я проучился, год, наверное, приходится на долю «Кирпича». Еще год – на марксистскую философию. Итого на медицину – года четыре, а то и три, так как были и другие радости, помимо «Кирпича» с философией.

Еще на Петроградской имелся «Пушкарь». Единственное место, в котором подавали «бархатное» пиво – и пиво не подводило. Это было до крайности тихое, спокойное заведение. Тяжелые скамьи, тяжелые столы, тяжелые люди – вернее, зубры, бизоны, которые вдумчиво и почти бессловесно сосали заказ. Временами слышался стук: падало очередное тело. Оно падало мирно, без скандала, без реакции со стороны соседей, которые даже не оборачивались, и тут же исчезало, будучи увлеченным куда-то за кулисы, а место старого тела занимало новое тело.

Были «Жигули», куда я явился с американским значком и при галстукке, поскольку хотел потом сняться на выпускной альбом. «Пан-Америкэн» хочет рыбки? " – издевательски интересовался халдей. Пан-Америкэн очень хотел, и снимок не вышел.

Был «Прибой» – сугубо мужское место, в котором никогда не бывало женщин, за исключением одного раза, когда местные шалуны затащили туда финскую туристку, в дрезину пьяную. Они обкладывали ее матюгами в глаза, а она только хохотала, на что мужики хохотали еще громче и толкали друг дружку: «Видишь, ни хрена не понимает!»

Был доброй памяти безымянный бар, который мы прозвали «Андрополем» и откуда меня в 1983 году вышвырнули за распитие под столом. Это сделал наглый бармен Вадик. Мне было отмщение: однажды в бар явился человек, который еле стоял на ногах, и которого сопровождал огромный пятнистый дог. «Кобылу-то убери! – опасно кричал Вадик из-за стойки. – Убери кобылу-то! " Кобыла не уходила. Я ликовал, наблюдая, как Вадик, держась из последних сил, наливает лошадиному пиву.

А близ моего дома располагался «Нептун», изумительно гнусное место, в котором однажды меня пригласила на белый танец беззубая девушка. И мы танцевали, одни, благо танцевать в этом баре было не принято, под настороженный блеск глаз ее спутников – хищные точки в пивном полумраке.

Теперь стало скучно и прилично, теперь такого уже нет нигде.

Где стол был яств, там гроб стоит.

Salut!

Как-то раз, прогулявшись по Петроградской стороне, я вспомнил зачем-то про свою комсомольскую юность – как я в нее вступил. Это тем более странно, что не имеет ничего общего с Петроградской стороной.

Я не советую читать эту историю женщинам, хотя понимаю, что на советы мои плюнуть и растереть. Ну, мое дело предупредить.

Это было в 1978 году, в канун 60-летия ВЛКСМ. Я учился в восьмом классе, и время, стало быть, пришло: пора.

Нас было трое на челне.

Мы прибыли в райком, немного волнуясь. Нет – мы, конечно, не отличались особой идейностью, но и не каждый же день случается сменить агрегатное состояние. В общем, налицо была некоторая торжественность.

В райкоме к нашему появлению уже начали отмечать славное 60-летие. На столе стоял деревянный макет «Авроры», из-под стола несло коньяком. Шумел не то камыш, не то мыслящий тростник.

Нам задали вопрос про какой-то орден и тут же приняли в ряды, не дождавшись ответа.

И мы, как это ни грустно, воодушевились.

Мы вышли в осеннюю морось с распахнутой грудью, не без гордости выставляя на всеобщее обозрение оскверненные лацканы.

На троллейбусной остановке к нам приблизился мелкий, гаденький мужичок.

– Ребята, – сказал он хитро. – У меня для вас привет от трех лиц.

В нашей памяти еще были живы пионерские приветствия. Теперь, повзрослев, мы приготвили воспринимать приветствия в сомнительном свете комсомольского существования.

– От каких трех лиц? – спросили мы.

– От члена и двух яиц, – ответил мужичок.

Тут романтика выветрилась и больше не возвращалась.

Пролетарский Мемуар

Когда мне будет 53 года и у меня разовьется старческое слабоумие, осложненное корсаковским алкогольным синдромом, я возьму за руку доверчивого внука и, если дойду, сведу его на улицу Льва Толстого. Там я остановлюсь и покажу ему белоснежное девятиэтажное здание Нефроцентра. «Смотри, мой внучек, – скажу я ему, преодолевая одноименные болезни Альцгеймера и Паркинсона. – Твой дедушка не только языком молот! Твой дедушка помогал строить этот прекрасный дом...» И в этом месте я взволнованно замолчу, подавившись утробным пафосом.

Я учился в институте шесть лет. И все эти шесть лет я строил Нефроцентр.

В первый раз, когда я оказался на его территории, я был юн, только что поступил на первый курс и чудом избежал гестаповского колхоза. Поэтому меня, конечно, по малолетству и незначительности не допустили до нарождавшегося тела Нефроцентра. Мне поручили содействовать строительству котельной; если точнее – корчевать пень. И мы его корчевали две недели по причине долгих расчетов. Но Нефроцентр манил нас, недоступный, хотя и был всего-навсего фундаментом – или, может, быть уже первым этажом, сейчас не помню. Его нужно было завоевать честным трудом.

Вторично я попал в Нефроцентр, когда учился не то на втором, не то на третьем курсе. Нас сняли с занятий и завели в подвал. Был март. В подвале стояла вода и плавали мутные льды. Там царила мрачная готика с примесью античности, напоминавшей про Лету, Цербера и вообще Аид. Нас разделили, и каждый направился в свой личный отрезок лабиринта. Скоро я остался в катакомбах один. Было темно. Может быть, это было уже метро. Ко мне пришла строгая девушка в ватнике и молча вручила лом. Мне было поручено долбить канавки в подводном льду, для отвода воды. Воды же было по колено, и долбеж не приносил удовлетворения, так как нельзя было увидеть результатов своего труда. Дождавшись, когда девушка уйдет, я прицелился и метнул лом в какое-то сооружение. Затем я вышел на белый свет и отправился в бар «Кирпич» для соблюдения преемственности, ибо в названии бара звучало нечто строительное, и связь не рвалась.

Третично (опускаю промежуточные подстадии) я пришел в Нефроцентр уже шестикурсником. Этажи к тому времени успели достроить. Мне, как зрелому и ответственному лицу, которое за шесть годов хлебнуло разного лиха, доверили компрессор. Это были незабываемые дни. Мы разъезжали взад и вперед, разламывая отбойными молотками свежую кладку. Так бывало изо дня в день: нам регулярно поручали ломать стены, возведенные накануне. Раствор еще не успевал толком схватиться, и крушить это дело было одно удовольствие.

Теперь-то в этом здании все сияет. Там многие доктора, мудрые и не очень, золотыми руками спасают больных, благосостояние которых тоже значительно повысилось, но впустую, потому что уже не радуется этим больным, собственно говоря, ни к чему.

«Видишь, внучек, – скажу я. – В фундаменте этого замечательного дома запеклись дедушкины окурки!»

И пригласил бы его восхититься величиим строительства и Труда вообще.

Правда, там, по всей вероятности, немножко хромает вентиляция. Ничего не поделаешь, надо было думать, кого приглашать в рабочие.

«Рим»

Недавно, прогуливаясь по Невскому (ах, как это звучит! как по-писательски, с классическими отголосками-подголосками! ни хрена я не прогуливался, конечно; я несся, как конь) – итак, на Невском я натолкнулся на сугубую мерзость: общепит, со всякими современными примочками и наворотами, который нагло и беспардонно проименовали «Сайгоном».

Это не первый такой случай. У меня нет причины особенно защищать «Сайгон», так как в годы, когда он гремел и славился, я редко туда навещался, почти никогда. Я столовался и стаканился в другом месте. Помню, я говорил, что половина моего студенческого существования прошла в пивной с неофициальным, зато народным названием «Кирпич». Вторая половина обучения состоялась в кафе со столь же неформальным названием «Рим». На днях я видел, что с ним стало. История с гробом, заменившим столы и яства, повторилась. Теперь там благоденствует поганый салон, в котором разная денежная шушера не то шшупает мебель, не то поглаживает шведские унитазы. Мне, честное слово, жаль этого места. «Рим» был совершенно безобидным, невинным по нынешним меркам оазисом. Там даже водку не продавали, только сухое, шампанское и коньяк, да пирожные с кофеем. О героине в те годы оставалось только мечтать; Система (слово, ныне забытое) хавала сиднокарб, циклодол и дефицитнейший кодтерпин, рецептов на которые я подделал штук двести; изредка покуривали какую-то дрянь, но не в самом «Риме», а в окрестных парадных. Вели себя наикультурнейшим образом и никогда, что для нас удивительно, не напивались там вдрызг.

«Рим» был прибежищем и отдушиной для питомцев Первого Меда, Химфарма и ЛЭТИ; мы изучали там теорию и практику фармакологии.

Среди завсегдатаев не было отморозков, хотя мы умели повеселиться – чего стоили хотя бы Римские Каникулы, когда основной состав выезжал на природу, в Орехово, окунаясь в умилительную разнузданность и предосудительное детское непотребство. Одним моим товарищем, который сейчас – почтенный отец семейства, мы, помнится, тушили костер: носили его взад и вперед, тогда как того, в свою очередь, безудержно рвало; другой, который стал потом очень приличным стоматологом, гнал по вене портвейн и загадывал, что будет, если ширнуться сметаной.

В «Риме» совершался подпольный книгообмен; куда ни взглянешь – обязательно наткнешься на древнекитайскую философию, или Судзуки, а то и Гегеля: в последнего тыкал пальцем один патлатый с хайратником, тарасил глаза и шептал дрожащим голосом: «Это дьявольская, дьявольская книга!»

В «Рим» заходила милиция с собаками, но никого не забирала, даже самых отчаянных эфедронщиков, благо группа, сплотившись вокруг беспредельщика, не позволяла ему повадиться на пол – равно как не давала милиционерам выдернуть его из овощной грядки.

В общем, что теперь говорить.

Я не удивлюсь, если когда-нибудь из этого исторического помещения уберут унитазы с диванами, поставят черную доску с мелового периода надписью «гамбургер – 16 рублей», завезут пиво «Бочкарев» и то, что выйдет, назовут «Римом».

Потом будут показывать: что вы, дескать – вот же наш «Рим».

Вот же наш «Сайгон».

Вот же наше «ЧК».

Вот же наш «Пале-Ройяль».

Вот же наши «Жигули».

Вот же наш город Санкт-Петербург – видите, даже название не изменилось.

Полчаса в Эрмитаже

Я не люблю музеи.

Может быть, потому, что живу в Питере, который ими нашпигован, и я, как истинный питерец, довольствуюсь ощущением соседства.

Но может быть, дело в обычном уродстве восприятия. На какую бы выставку, случись такая беда, я ни пошел, обязательно все забуду. А если еще и экскурсовод объяснит – забуду мгновенно.

По малолетству меня не впечатлили даже замороженные гениталии Мамонтенка Димы, а после я уже разучился удивляться гениталиям, так и не научившись.

Гораздо ближе мне был ресторан «Универсаль», куда мы часто наведывались с одним моим покойным приятелем. Мы сразу шли в туалет, где выпивали заранее прихваченную водяру, чтобы дешевле обошлось, а после поднимались в зал, и начиналось веселье. Я плясал в кругу, взявшись за руки с двумя капитанами второго ранга, справа и слева, а друг порывался скусить колки с бас-гитары, гриф которой музыкант уводил из-под его вожделенного рыла в последний момент.

Однажды я приехал к моему приятелю; на дворе стоял постылый ноябрь. Приятель нахмурился и молвил с упреком:

«Что же мы с тобою все пьем, да пьем? Давай хоть в Эрмитаж сходим!»

Мы вышли, по пути завернули в магазин, купили портвейн. Потом заглянули в аптеку за маленькой мензуркой («Нам вот эту рюмочку», – сказал мой друг; «Рюмочку? " – неприятно переспросила аптекарша; «Да, рюмочку, " – настаивал тот). Из аптеки мы проследовали в Кузнечный рынок, где стащили соленый огурец.

Позавтракав, мы пошли в Эрмитаж.

Там, с непривычки озираясь и двигаясь осторожно, мы взошли по лестнице, высланной ковровой дорожкой, на второй, что ли, этаж и очутились в Галерее 1812 года.

В Галерее мы почтительно присели на банкетку и стали медленно поворачивать головы, созерцая благородные лица и пересчитывая ордена. Так прошло минуты четыре.

Мой товарищ вздохнул и встал.

«Ну, теперь в Универсаль, " – сказал он.

Морда

Лет пять-шесть назад мы заметили, что наш ребенок весьма возбужден, встревожен и упорно твердит про какую-то «Морду».

По всему выходило, что Морда эта обитает во дворе, и от нее все неприятности.

Наконец, я решил разобраться и специально повел дочку на улицу искать эту морду. Все разъяснилось очень быстро.

В нашем дворе стоит трансформаторная будка. И вот на этой будке кто-то и впрямь нарисовал нечто среднее между гориллой, бойцом ОМОНа и автопортретом. На это ушло буквально несколько штрихов, но истинному художнику больше не нужно.

Мы посмеялись, я сочинил про Морду сказку, подвел ребенка к Морде, заставил потрогать, пнуть, показать язык. В общем, справились кое-как.

Потом Морду закрасили и заменили каким-то номером – как на могиле неизвестного горемыки, расстрелянного за изнасилование колхозного стада.

И вот вчера я снова увидел Морду. Я даже остановился.

Морда была цветная, в профиль. Это была большая фотография Конкретного Человека: стрижка ежиком, глубокомысленный взор, многопотентный живот, обтянутый красным свитером. Для протокола не хватало черно-белых шашечек.

И я догадался: старую Морду никто не закрашивал, она просто-напросто сошла ночью с будки и где-то шлялась, нагуливая жир и зарабатывая авторитет, торговала цветными металлами. Теперь вернулась в статусе кандидата-депутата.

Над Мордой было написано: «Я желаю счастья вам».

Айболит-79

Вспоминается картинка: она мне очень понравилась в свое время и чем дальше, тем все больше нравится.

Я успешно закончил восьмой класс: сдал последний экзамен и потому отправился погулять в Таврический Сад.

День был погожий, в Саду стоял шум и гам. Привлеченный фанфарами и трубами, я, буратине подобный, пошел к летней эстраде. Там давали разудалое представление под названием «Доктор Айболит».

Площадка перед эстрадой заполнена детворой. Многие были с мамами, иные даже в колясках.

Царила атмосфера мирного праздника.

По сцене метались обезьяны и прочие твари, предводительствуемые не вполне адекватным доктором.

Уже не помню, как повернулся искалеченный сюжет, но в какой-то момент с эстрады стали кричать:

– Разбойники! Разбойники! Где вы?

Рядом со мною, голые руки скрестив, стояли два опасных лба, бритых налысо. Они жевали жвачку и снисходительно следили за действием.

Один улыбнулся и крикнул:

– Мы здесь!

Домик в Коломне

Мой знакомый Миша Едомский, художник и скульптор, живет в Коломне, в так называемом цокольном этаже дома, которого нет.

Его снесли в 1980 году. Так что Миша не платит за электричество и за что-то еще. Но тут его, с января месяца, берут за горло и обязывают кое-что платить, потому что микрорайонные микровласти просто пошли по домам, переписали всех, кто попался, и занесли в какой-то компьютер, свалившийся к ним с микронеба. В том числе нескольких бомжей, проживавших над Мишей в пустой квартире. Но этих занесли в компьютер напрасно, занесение не помогло.

Миша пытался объяснить, что его дома не существует, но присутствие компьютера свело Мишины старания на нет.

Миша – прекрасный скульптор, он работает с деревом и очень часто вырезает огромных сюжетных котов. Самой впечатляющей стала, на мой взгляд, скульптура «Смерть Кота», очень натуралистичная.

Недавно его посетил американский коллега: тоже скульптор, непонятно откуда вынырнувший. Американец все ходил по подвалу, все высматривал, разглядывал, колупал. А потом этот зарвавшийся заокеанский ястреб вдруг что-то заклекотал – такое, что у Миши, когда ему перевели, не нашлось ответа. Куклуксклановец спрашивал: «Как же вы работаете с твердым материалом? Ведь у вас нет ни негров, ни латиносов!»

Путевой Мемуар

Холода побуждают меня рассказать про теплое место: больничный автобус.

Этого автобуса было полтора. Его несуразной дополнительной половинкой была Живопырка, о которой речь ниже. Он занимался служебной развозкой: возил нас в пригородную больницу утром и реже – домой, вечером.

Автобус был очень из себя замечательный: большой, теплый, львовский. Он регулярно ломался в пути и мог не приехать. В половине восьмого утра на ступеньках, ведущих в Финляндский вокзал, собиралась толпа. Все, будучи опытными ездоками на автобусе, всматривались в далекую набережную и считали минуты. Все достоверно знали момент, когда лучше махнуть озябшей лапкой и трусить на поезд. Патологоанатом – маленький человек, похожий на Акакия Акакиевича, со сложным двигательным и вокальным тиком – печально лаял и, втягивая голову в шею, подпрыгивал.

Но вот автобус появлялся. «Бегом, бегом, бегом! " – шутливо-весело бормотали самые полные, переваливаясь и ковыляя. Существовала четкая градация очередности посадки в автобус, выверенная десятилетиями; первыми садились одни и те же лица, близкие к телу водителя – к телу, конечно, эфирному, потому что в мясных, объясняющих приоритет контактах замечены не были. Они спешили, несмотря на то, что никто и не посмел бы сесть на их от века забронированные места. Особенно выделялась толстая и пожилая женщина-травматолог с палкой, по скорости и ловкости передвижения напоминавшая капитана Сильвера. Палка была ей не нужна. С ее кривой ногой она умела обогнать любого спортсмена.

Бывало, что автобус ломался где-нибудь в Лахте. «Пепелац» – так мы его любовно называли. Особенно эффектно получилось однажды, когда за руль сел новый шофер, со свежим бланшем и дикими повадками. Он забыл залить воду, и в Лахте «Пепелац» задымил. «Микро-схемы полетели», – объяснил водитель, подцепил ведро и вошел в утренний залив. Мы, понимая, что дело дрянь, пошли пешком, растянувшись на полкилометра. Мимо нас, по рельсам, пронеслась задорная дрезина. На ее боку было написано: «Пепелац».

В те редкие дни, когда автобус работал, ехать в нем было очень тепло. Администрация больницы выдала всем специальные удостоверения, дававшие право на проезд в нем. Автобус же был не резиновый. В него набивалось все больше разного люда. Многие, в том числе те, кто по закону первой брачной ночи имел право сидеть в автобусе, в нем стояли. А это было запрещено милицией. Поэтому на подъезде к посту ГАИ водитель командовал: «Присели! " И все, маячившие в проходе и видимые в окно, приседали, как на детском утреннике. «Можно! " – командовал водитель, миновав Сциллу-Харибду. Врачи с медсестрами, послушные его слову, грибообразно вырастали в проходе и шутили. Шутки повторялись изо дня в день.

Так что наш начмед однажды утром не поленился приехать и устроить облаву. Зная каждого из нас в лицо, он шел между креслами и вежливо требовал показать удостоверение.

Потом, через два дня, все это забылось, удостоверения потерялись, проверять их перестали, а автобус дряхлел на глазах.

Поэтому его все чаще заменяла Живопырка, жмуровоз, который в обычное время развозил по больничному двору бывших больных, то есть трупы. У него в псевдоавтобусной (ибо оно не было автобусом, это устройство, таких не бывает), так вот, в псевдотранспортной его жопке существовало квадратное отверстие для загрузки гроба. Кроме того, он изобиловал продувными щелями, а рессорами, напротив, не изобиловал. И, наконец, в него вмещалось 18 человек. Водитель, получивший своего железного коня от Харона по прямому наследованию и не желавший рисковать с применением маскировочного приседания, больше не брал и отказывался ехать, ссылаясь на недавний арест автобуса ГАИ, занесением его в гаишный компьютер в качестве ископаемой диковины, неусыпную слежку, засаду, наручники и тюрьму.

Поэтому мы выстраивались в очередь. Самое прекрасное начиналось, когда приходил какой-нибудь заслуженный человек – реаниматолог, например, спешивший спасти многочисленных больных. Но он оказывался девятнадцатым. И, когда при посадке он, естественно, оказывался первым, начиналась война. Внутренность Живопырки уподоблялась псарне с двумя-тремя волкодавами Среднего Сестринского Звена среди многих болонок и шавок. Чаще всего заслуженного реаниматолога или доброго терапевта, которые уже успевали стать похожими на Фредди Крюгера, успешно высаживали, прогоняли на поезд, злобно улюлюкали вслед, позмеиному шипели.

Потом Живопырка ехала. В 20 и 30-градусный мороз она привозила в больницу Охлажденные Коллектуши, если воспользоваться термином Станислава Лема.

Был случай, что меня отпаивали спиртом.

Хотели растереть, но я поостерегся. Рабочий день еще только начинался, не до страстного воспламенения было.

Ребята с нашего двора

В 80-е годы Запад охватило движение в поддержку так называемой деинституционализации. В переводе на русский язык это означает расформирование психиатрических отделений и выдворение душевнобольных обратно в «общину», как среди них (не знаю, среди кого – психов или подвижников) принято выражаться.

В результате по улицам стала разгуливать прорва умалишенных, вызывая естественное неудовольствие тех, кто пока не вполне лишился ума.

Мы тут, как обычно, впереди планеты всей. У нас не нужно ничего расформировывать, благо эта публика и не сидит по больницам, а спокойно расхаживает, где ей вздумается.

В одном нашем дворе таких фруктов штуки три.

Один каждое утро кормит кошек. Он ничего такого не говорит, просто носит им кашу, рыбку, еще что-то. Ему лет сорок пять. Не знаю, с чего я на него взелся, но мне бы не хотелось оказаться с ним в едином замкнутом пространстве. Белесый, серьезный, в толстых очках и плаще на рыбьем меху, он сущее чикатило. Всякий раз, когда я веду утром свое сокровище в школу, я ускоряю шаг, потому что боюсь скоротечного потрошения на корм для братьев меньших.

Второй притормозил меня однажды, когда я куда-то шел. Я был с тяжелого похмелья, меня мог напугать даже воробей. Я шарахнулся от него, но он заступил мне дорогу. Показывая на каменные колонны ближайшего дома, он обратился ко мне со словами: «Нет, постойте! Ведь правда же, это вкусно?»

А третий был, насколько я понимаю, вовсе не человек.

Он, лысый черепом, выносил помойное ведро, хотя с тем же успехом мог из него питаться. Он просто улыбнулся мне, и это не было улыбкой человека, думайте что хотите. Я читал, что среди нас бродят существа, которые только с виду являются людьми, тогда как на деле они неизвестно что. «Который час?» – спросил он громко, и голос был совершенно мертвый, машинный.

Наверное, меня можно назвать четвертым окрестным психом, потому что я бросился наутек.

Но эти себя обнаруживают – словом, улыбкой, жестом. А сколько молчит?

И только случайное, вынужденное открывание рта позволяет установить истину.

Как в том троллейбусе, где меня спросили:

– Вы выходите, девушка?

Почти Голубой Мемуар

Живописуя (-пиша? -писа?) свою нехитрую жизнь, я мало рассказываю о высоких чувствах.

Которые суть визитная карточка низких.

Высокое чувство случилось со мной сразу после девятого класса, и я впервые в жизни отправился на свидание.

Наверное, поздновато.

Ну, как собрался. Лучше поздно, чем никогда.

Я, конечно, сильно волновался. Купил букет цветов, по-моему. И, не стерпев, пошел из дому за два часа до встречи.

Пошел пешком, от Смольного до Петроградской.

И ничего не замечал по пути. Стояло бабье лето, так что дельце складывалось удачно. Не помню, какие мысли крутились в моей башке; дорога мне совершенно не запомнилась. За час я добрался до места, и следующий час показался мне очень длинным.

Его мне скрасил один мужичок.

Низенький, в шапке не по сезону, в поганом пальто подошел он ко мне и хрипло предложил сексуальную услугу.

Впоследствии мне такие нет-нет, да и попадались.

Однажды мне даже худо сделалось. Раз уж зашел такой разговор, скажу: это было в сортире, что за Казанским собором. Тамошний голубой, теряя в темноте 99 процентов окраски, стоял прямо за дверью, навтыжку, ничего не говоря и глядя прямо перед собой, как марид какой-нибудь или ифрит, который караулит сокровища султанского двора. С улицы его было не видно, и при входе не видно, и только при выходе его вдруг становилось видно. Он ничего не предлагал и не делал, просто стоял статуем, жуткое зрелище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.